

Е. А. Федосова, Н. А. Кузнецова, В. А. Виттиха. Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. С. 317-326.

6. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.

7. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Молодая гвардия, 1948. 249 с.

Герменевтическая интерпретация «знания как бытия»

Полякова Н.Б., Ижевск

к. филос. н., зав. кафедрой философии
и гуманитарных дисциплин,
Удмуртский государственный университет

Интерпретация как бы заново конструирует текст научного знания, наполняет смыслом не только само научное знание, но и его конструктора – человека. Это приводит к представлению об открытой интерпретации. В современном гуманитарном и естественнонаучном познании герменевтическая интерпретация становится одной из основных процедур, что говорит о её универсальности. Интерпретация, посвященная поиску смысла, всегда субъективна и предъясвляет присутствие интерпретирующего в знании как интерпретации. Субъект, осмысляя текст, производит новый, который также может быть интерпретирован. Познание в аспекте интерпретации становится бесконечным процессом получения знания.

Ключевые слова: человек, интерпретация, герменевтика, гуманитарное знание, знание-текст, знание-бытие.

N.B. Polyakova, Izhevsk

Hermeneutic interpretation of «knowledge as being»

In interpretation re-constructs the text of scientific knowledge and fills text containing scientific knowledge and its constructor – man by meaning. Hermeneutic interpretation becomes one of the main methods of cognition in modern humanitarian and natural science knowledge. Interpretation aiming for meaning, search is always subjective and presents the interpreter in knowledge. The subject, interpreting the text, produces a new one, which can also be interpreted. Cognition in the aspect of interpretation becomes an endless process of acquiring knowledge.

Keywords: Human, interpretation, hermeneutics, humanitarian knowledge, knowledge-text, knowledge-being.

В условиях технизация всех сфер человеческого бытия отечественные исследователи в области эпистемологии и философии науки объявляют гуманита-

ризацию научного знания попыткой сохранения целостностного предъявления знания как такового через человека, в человеке и для человека (Л. А. Микешина, З. А. Сокулер и др.). Человек оказывается «местом» или «точкой» осуществления научного знания. Знание актуализируется через человека, обретает форму в промысливании, выражается в речи и письме, т.е. тексте.

В.Г. Кузнецов, вычлняя и анализируя различные подходы к определению предмета гуманитарного познания, приходит к выводу о том, что современное мышление признает за гуманитарным знанием статус научности и выделяет специфический предмет исследования и метод, который позволяет его изучать. «Объектом гуманитарного познания могут быть человеческое общество и его история, естественный язык и творения человеческого духа, выраженные посредством текстов. Поэтому непосредственным предметом гуманитарного познания являются тексты» [4, с. 128].

Существует множество определений текста. Он предъявляется вне зависимости от подходов, методов и целей исследования. Герменевтическое определение является наиболее широким и отвечающим современным представлениям. «Текстом называется любая знаковая система, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и имеет языковую природу. С этой точки зрения любой объект, являющийся творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом» [4, с. 128].

Вне зависимости от форм и форматов предъявления, текст книги необходимо задается в качестве универсального инструмента сохранения и передачи знания как культурно-исторического наследия человечества [11]. Творческое познающее мышление человека «принимает форму книги» [там же, с. 5]. Человек, осмысливая текст, осуществляет перевод формального знания науки на язык содержательного, или иначе интерпретирует.

В гуманитарном знании предметом оказывается текст, который необходимо должен пониматься. Соответственно, основным методом гуманитарного знания является понимание, которое достигается посредством интерпретации. В виду того, что происходит интеграция областей знания, естествознание с точки зрения текстуальности предстает как область существования специфических текстов, которые могут быть истолкованы не только семантически, но и исторически, и психологически. Текст оказывается определенной областью реальности, имеющую свою специфическую структуру и способ существования. Он может пониматься в качестве предмета познания в целом.

В этом смысле, интерпретация оказывается познавательной процедурой истолкования научного текста-знания; а как метод чтения и понимания разрабатывается в герменевтике. Тогда герменевтику возможно понимать как истолкование смысла человеческого бытия, выраженного в языке и тексте.

Начала герменевтики были сформированы в античности, когда появляется необходимость истолкования литературных и юридических текстов. В Средневековье основным способом существования герменевтики была экзегеза. Именно тогда были наработаны важные способы интерпретации, особенно связанные

с попытками перевода библейских текстов с одного языка на другой. Был сформулирован вопрос интерпретации как перевода: следовать ли «букве» священного писания или его «духу»?

В XIX веке Ф. Шлейермахер, рассматривая филологические и исторические тексты, выделяет три основных способа интерпретации. Во-первых, грамматический, осуществляемый посредством анализа языковых структур, во-вторых, исторический – посредством аналитической систематизации исторических обстоятельств производства того или иного текста, в-третьих психологический – посредством разбора представлений [8]. Все эти виды по-прежнему актуализируются в процессе использования процедур понимания разного рода текстов.

«Грамматическая интерпретация» устанавливает буквальный смысл (*sensus litteralis*) произнесенной или написанной речи, определяя значение слов в грамматическом смысле. «Поскольку единого языка не существует – даны только многие языки – и, кроме того, с течением времени тексты могут стать частично непонятными, «грамматическая интерпретация» охватывает все исторические и социокультурные традиции, присутствующие в языковом выражении интерпретируемого, снимая чуждость текста в его реконструкции, «перевод» (при необходимости – опираясь на грамматику соответствующей эпохи)» [5]. Если бы люди мыслили одно и то же одними и теми же словами, то существовала бы только «грамматика». Но язык есть «индивидуальное всеобщее», поэтому «грамматика»/«буква» дополняется индивидуальным техническим или психологическим. Рассматривается текст как языковое выражение в целом, проявляющее внутреннее как цельную мысль. Следование первому способу перевода-интерпретации, т.е. с опорой на «букву», проявляет высокую степень вероятности потери смысла по причине культурной различности базовых ценностей. Соответственно, второй и третий способы оборачивают интерпретацию к значимости внутреннего, к смысло-содержанию текста. Для Шлейермахера интерпретация – это искусство понимания чужой речи с целью правильного сообщения другим отраженного в мыслях интерпретатора содержания [3, с. 75-80].

Возвращаясь к проблеме интерпретации как перевода, У. Эко четко определяет задачу переводчика как необходимость сохранения «смысла» текста, даже при незначительном отступлении от «буквы» [10]. Следующий вопрос интерпретации: как сохранить «смысл» текста?

Смысл текста раскрывается в его динамике, когда текст выступает пространством, которое делает возможным диалог между автором и интерпретатором. Последний должен не только знать язык, но прежде всего отсылки этого текста к другим, т.е. интертекст культуры. Открытие интертекста означает вхождение в энциклопедию культуры [10], т.е. овладение основными ценностями культуры, которая произвела текст. В целом же весь мир человеческой культуры понимается как гипертекст, прочитываемый в условиях гиперинтерпретации. Таким образом, гипертекст является культурой и одновременно – знаниевой реальностью. Тексты-знания национальных культур помещены «внутри» общего контекста человеческой культуры и являются интертекстами.

Текст-знание непонятен вне культурного, социального, психологического контекстов. Прояснение контекста в современной герменевтике приобретает значение закона, например у Э. Бетти. Анализируя юридические тексты, он устанавливает каноны интерпретации. Первый – принцип автономии объекта, т.е. постулируется существование текста как автономной единицы. Второй – принцип воспроизводства текста в его целостности, согласно которому каждый текст должен быть понятен на его собственной основе. Третий – принцип влияния интеллектуального горизонта интерпретатора, в соответствии с которым каждый интерпретатор должен осознавать степень влияния смыслов своей культуры, времени на интерпретацию смыслов исследуемого текста [1]. Следовательно, каждый интерпретатор должен рефлексировать влияние актуальных культурных смыслов. В виду того, что культура понимается как интертекст, всегда возникает возможность прочтения текста и его интерпретации множеством способов.

Очевидно, что сам интерпретатор, существуя в определенной культуре, всегда разделяет ценности этой культуры, т.е. описывает ценности этой культуры, опирается на ряд самоочевидностей, традиций или предрассудков. «Предрассудок» как «пред-понимание» указывает на возможность первичного «схватывания текста» через его смысл.

Если В. Дильтей предложил понимать процедуру интерпретации как «челночное» движение от целого к части и от части к целому, то М. Хайдеггер предположил, что собственно подобного рода первичное понимание или «интуитивное схватывание целого» и есть основной способ бытия человека. Его лекции по герменевтике фактичности посвящены самоистолкованию человека. Он полагает, что одной из фундаментальных характеристик человеческого бытия выступает понимание. Оно связано с «множественностью» – разворачиванием потенциала возможностей, заключенных в человеческом бытии. Самопрояснение понимания проступает в истолковании. Так, понимание обретает онтологический характер, т.е. понимание в структурах «пред-понимания» является основным способом человеческого бытия, которое характерно только для человека [9].

Последователь и ученик М. Хайдеггера Г.-Г. Гадамер задал процедуре интерпретации характер «пред-знания». Оно существует как представление, историческая традиция, которая создаёт направленность, предпосылки и условия понимания. Наиболее важными герменевтическими процедурами, по его мнению, являются «герменевтический вопрос» и «герменевтический круг». Правило герменевтического вопроса сводится к сознанию того, что наша речь всегда мотивирована. «Человек не высказывает суждения, а отвечает на вопросы» [2, с. 56]. Но, чтобы выяснить, на какой вопрос отвечает текст, необходимо прояснить условия, которые задают мотивацию вопроса. Следовательно, для понимания текста важно изучать контекст его возникновения. Тогда важным для Г.-Г. Гадамера оказывается различие «предметного смысла» и «авторского смысла». Выяснение того, что написано в тексте, выяснение, условно говоря, «авторского смысла» в этом случае является предварительной задачей историко-философского анализа. Для Г.-Г. Гадамера существенным является показать не

частное мнение автора, а суть дело, «предметный смысл». Отсюда прояснение дальнейшей процедуры понимания перемещается в «герменевтический круг». Понимание нуждается в истолковании, истолкование предполагает некоторую понятость истолковываемого. Однако герменевтический круг не есть порочный круг в логике. Всякое серьезное познание должно отдавать себе отчет в собственных предпосылках, поэтому суть заключается не в том, как выйти из герменевтического круга, а как в него «правильно» войти.

В аспекте данной онтологии М. Хайдеггера – Г.-Г. Гадамер придает интерпретации смысл человеческого бытия-в-мире. Здесь язык является универсальной средой понимания и интерпретации. Временная дистанция между текстом и интерпретатором является условием открытия новых смыслов слов. Ввиду того, что всегда существует множество интерпретаций, истина как вариант интерпретации является одним из способов проявления бытия для понимания.

Возможность множества интерпретаций формирует следующий вопрос: соотношение интерпретации и истины, или смысла и истины? Обнаруживается, что вопрос об истине не является более вопросом о методе, но вопросом о проявлении бытия для понимающего бытия.

П. Рикёр, чьи идеи лежат в русле «онтологического поворота», предлагает такую трактовку интерпретации, которая соединяет истину и метод и реализует единство семантического, рефлексивного и экзистенциального планов интерпретации. Он полагает, что множественность и более того конфликт интерпретаций являются достоинством понимания, выражающего суть интерпретации. Текстуальная полисемичность языка, по аналогии с лексической, обеспечивает возможность даже противоположных друг другу интерпретаций [6]. При этом каждая из них может быть истиной, т.к. истина – вариант интерпретации. Вариативность указывает на субъективность понимания [7].

Интерпретатор вносит смыслы и означает «формальные узоры»/«иероглифы» написанного/напечатанного/набранного текста. Новое прочтение – возможность нового «набрасывания смысла». Текст позволяет человеку как интерпретатору «знания-как-текста» исследовать не только уже сформированное, но через герменевтическую процедуру интерпретации расширить пространство собственного «знания-как-бытия».

Итак, всякая интерпретация как бы заново конструирует текст. Создание текста-знания наполняет смыслом не только само научное знание, но и его конструктора – человека. Это приводит к представлению об открытой интерпретации. В современном не только гуманитарном, но и естественнонаучном познании герменевтическая интерпретация становится одной из основных процедур. Можно в определенном смысле говорить о её универсальности. В истории, психологии, филологии эта процедура разрабатывалась в концепциях В. Дильтея, и Ф. Шлейермахера. В области философии её разрабатывали Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, П. Рикер. В социологии – М. Вебер. Проблеме интерпретации в математике посвятили свои работы А. Пуанкаре, в физике – П. Брозль и В. Гейзенберг.

Процедуры интерпретации характерны для современного уровня развития знания. Так как интерпретация посвящена поиску смысла, соответственно, она всегда субъективна, т.е. предъявляет присутствие интерпретирующего или субъекта в знании как интерпретации. Сам интерпретирующий открывает новый текст, который также может быть интерпретирован. В аспекте интерпретации познание становится бесконечным процессом получения знания.

Литература

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М.: Канон +, 2011. 144 с.
2. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–60.
3. Загадка человеческого понимания: сб. ст. / сост. В. П. Филатов. М.: Политиздат, 1991. 352 с.
4. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: МГУ, 1991. 192 с.
5. Михайлов И. А. Шлейермахер. Новая философская энциклопедия. В четырех томах / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 389-390.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
7. Рикёр П. Парадигма перевода [Электронный ресурс]. URL: www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20001102.html (дата обращения 29.10.2018)
8. Шлейермахер Ф. Особенности технической задачи // Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейски Дом, 2004. С. 207-238.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
10. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итал. А. Н. Ковалю. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
11. Эко У., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг / пер. с фр. и прим. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2010. 264 с.

Понять чудо: опыт культурной антропологии

Гильмутдинова Н.А., Ульяновск

к. филос. н., доцент кафедры философии,
Ульяновский государственный технический университет

В статье представлена этимология понятия «чудо». Вся культурная история человечества эксплицирована через динамику изменений в понимании фе-